

Навсегда в моей памяти

Предлагаем вниманию читателей воспоминания жителя блокадного Ленинграда Лидии Николаевны Овелиной (Григорьевой). Она родилась 23 января 1931 года, пережила в Ленинграде самый страшный первый блокадный год. С 1953 года живёт в городе Сестрорецке.

– Война застала меня в пионерском лагере, я тогда закончила второй класс. С лагеря мы шли пешком под бомбёжку, на поездах ехали военные, везли вооружение, и нам места не было. В Ленинград пришли только в июле. На второй день я отправилась в булочную. Мне очень нравились булочки, но их уже не продавали. А на следующий день в магазинах не было ни крупы, ни хлеба.

Бомбили нас и день, и ночь, прятались в бомбоубежище. В школу мы не ходили, учились сначала в бомбоубежище, а потом, когда все отощали и ослабели, уже стало и вовсе не до того. Дети, которые были поживее, помогали взрослым. Мальчики занимались тушением зажигательных и фугасных бомб на крышах, там везде стояли бочки с песком и водой. Девочки разносили повестки, потому что не справлялись штатные силы МПВО. Следили, чтобы все шли в бомбоубежище, ходили по квартирам проверять, живы ли родители, не остались ли без внимания дети.

Начался голод, дома было темно, занавесили все окна. Сидели возле радио. Я жила с бабушкой, родителей у меня не было. В феврале я сама ходила за хлебом к Финляндскому вокзалу, казалось, что там давали побольше. Бабушка была ста-

ренькая, ходить далеко не могла. Мы жили на кухне и плиту топили чуть-чуть, чтобы она только тёплая была. В том же месяце меня ранило осколком в ногу, меня отнесли на носилках домой. Не знаю сколько я пролежала...

На улице лежали мёртвые. Их было много, приходилось перешагивать, перепрыгивать, пока дойдёшь

до Финляндского вокзала. Бомбили нас страшно. Ночью город освещался такими красивыми разноцветными фонарями: жёлтыми, красными, синими, как на Новый год. Когда нас бомбили, город был весь в огнях.

За водой мы ходили на Свердловскую набережную, на Неву, примерно за километр от нас, черпали ковшиком. Как раз у металлического завода имени Сталина. И вот однажды в него попала бомба, нас так тряхануло в бомбоубежище, что наш

дом прямо поднялся мысом и сел, все были в ужасе.

Несмотря на ужасы, люди были спокойные и доброжелательные. Мы жили на третьем этаже и решили перейти на второй, пониже, сил подниматься не было. Бабушка сказала: «Лидя, посмотри на печке, может быть, там какие-то обмылки есть, помыться», потому что были вши. Я полезла, смотрю, а там – кусочки хлеба. Тогда бабушка послала меня пройтись по дому – посмотреть, кто жив, и пригласить к нам. Сами были голодные и в тоже время думали о других. К нам пришли. Бабушка поставила самовар с водой из снега, раздала всем по кусочку хлеба с горчицей, и мы пили чай.

Наступила долгожданная весна. На уборку города вышли все кто мог – и стар, и мал. Бабушка устроилась работать уборщицей в ремесленное училище, немного добавили хлеба. В школу я уже не пошла, а в августе нас эвакуировали через «Дорогу жизни». Мы ехали на катерах, нас бомбили, люди тонули на глазах. Мы приехали на Урал. Потом бабушка умерла, и меня отправили в детский дом.

В 1944 году за мной приехал папа. Мы шли с ним, у меня текли слёзы: я – худая, в разных сапогах, с большими лёгкими. Он привёз меня в Ленинград, и в декабре я пошла в школу в третий класс. Затем училась в школе рабочей молодёжи, в ремесленном училище на пекаря, окончила техникум. Вышла замуж, в дом пришли дети. Война и блокада ушли из жизни, но они остались навсегда в моей памяти.

Беседовала Татьяна Алексеева